

Тан Шэнь в этот миг уже горел от сильнейшего жара. Схватив солдата за рукав, он дрожащими пальцами достал из обшлага жетон:

— Нельзя так въезжать в город. Ступай в лагерь Ючжоу к генералу Ли, расскажи ему обо всём и передай мои слова... Пора генералу вернуть долг за Шэнцзин.

Над бескрайней степью низко висела яркая луна, а звёзды густо усыпали небо, точно шашки на доске.

Низкорослый солдат, держа в руках приказ Фельдмаршала Запада Ли Цзиндэ, на полном скаку мчался сквозь ночную тьму и въехал в лагерь Ючжоу. Небо уже начинало светлеть, а солдат всё не выходил. Но стоит взглянуть на восток от города Ючжоу: едва рассвело, к Ючжоу плавно и неспешно покатались два экипажа.

Въехав в город, одна из повозок направилась к управе Ючжоу, а другая — к Приказу серебряных ассигнаций.

Экипаж, уехавший к управе, пробыл там всего полчаса, после чего тоже направился к Приказу серебряных ассигнаций.

Небо окончательно просветлело. Правый заместитель министра Приказа чинов Юй Чаошэн сошёл с экипажа. Подняв голову, он увидел над большими воротами вывеску с тремя иероглифами: «Приказ серебряных ассигнаций». Внутри ведомства кипела жизнь: чиновники прибыли спозаранку и уже взялись за дела.

Вышедший навстречу стражник встретил Юй Чаошэна и провёл его через два дворика в задний двор Приказа серебряных ассигнаций.

Остановившись у дверей, Юй Чаошэн произнёс:

— Ваш покорный слуга Юй Чаошэн прибыл засвидетельствовать почтение Министру финансов.

Дверь со скрипом отворилась. Ван Чжэнь, облачённый в новенькое тёмно-красное чиновничье платье, с улыбкой отозвался:

— Господин Юй только что нанёс визит в управу Ючжоу, и уже пожаловал в Приказ серебряных ассигнаций?

— Ваш покорный слуга прибыл по высочайшему повелению для инспекции дел Приказа серебряных ассигнаций и не смеет прохлаждаться, — ответил Юй Чаошэн.

Ван Чжэнь безмятежно улыбнулся:

— Что ж, входите.

Войдя в комнату, Юй Чаошэн обменялся с ним несколькими любезностями, а затем поинтересовался:

— Служащие Приказа серебряных ассигнаций весьма верны своему долгу: ещё до моего прихода они уже всю трудились. Вот только по пути сюда я так и не встретил господина Тана. Господин Тан прибыл в Ючжоу месяц назад для инспекции Приказа серебряных ассигнаций, и мне надлежит принять у него дела. Почему же его нигде не видно? Не знаете ли вы, где он?

Ван Чжэнь ничего не ответил. Лишь тихо усмехнувшись, он склонил голову и принялся заваривать чай.

Хоть Юй Чаошэн и не происходил из знатнейшего рода, всё же семейство Юй в родных краях считалось весьма состоятельным и уважаемым. Раз уж Ван Чжэнь неожиданно взялся за чайную церемонию, Юй Чаошэну оставалось лишь умолкнуть и с подобающим почтением наблюдать за его утончёнными движениями. Однако в душе он недоумевал, сокрушаясь, что никак не может разгадать помыслы Ван Цзыфэна. Неужто у Ван Цзыфэна есть какое-то поручение к Тан Шэню, и потому он не желает раскрывать его местонахождение?

Впрочем, сам Ван Чжэнь держался с таким благородством и изяществом, словно яркий свет заходящей луны.

И пусть в душе Юй Чаошэна росли сомнения, он не мог не признать: наблюдать за тем, как Ван Цзыфэн совершает чайную церемонию, — подлинное удовольствие для глаз.

К тому моменту они даром провели в комнате почти полчаса.

Отдав должное чаю, Юй Чаошэн уже собирался спросить снова, как вдруг в комнату вошёл служащий. Поклонившись, он доложил:

— Генерал Ли сегодня утром отправился с господином Таном на охоту за город и пока не вернулся. Ваш покорный слуга уже послал людей за город пригласить их обратно.

Взгляд Ван Чжэня дрогнул. «А младший соученик весьма смышлён, — подумал он. — Успел вернуться в самый последний момент, да ещё догадался воспользоваться именем Ли Цзиндэ».

Ван Чжэнь отозвался спокойным «хм» и произнёс:

— Не стоит спешить. Господин Юй, не желаете ли ещё чашку чая?

Юй Чаошэн уже напился чаем до отвала и давно мечтал откланяться, однако без разрешения Ван Чжэня не смел и с места сдвинуться. Хотя формально государь и направил его инспектировать Приказ серебряных ассигнаций, всякому было известно: Приказ — это владения Ван Цзыфэна, и здесь, в Ючжоу, лучше склонить голову и не наживать себе врага в его лице.

Спустя ещё полчаса вестник, присланный Ли Цзиндэ, явился точно по расписанию, словно всё было рассчитано до минуты.

— Господин Тан и генерал Ли вернулись? — поинтересовался Юй Чаошэн.

— Во время охоты господин Тан случайно попал под стрелу и сейчас проходит лечение в лагере Ючжоу, — ответил солдат.

Ван Чжэнь нахмурился, но тут же решил, что это лишь уловка Тан Шэня для затягивания времени. С наигранным изумлением он спросил:

— Попал под стрелу? Насколько тяжела рана, нет ли опасности для жизни?

Услышав это, Юй Чаошэн украдкой бросил взгляд на Ван Чжэня, подумав: «Похоже, Ван Цзыфэн вовсе не беспокоится. Неужели эти соученики ладят лишь для вида, а на деле их отношения дурны?»

Солдат, как и наказывал Ли Цзиндэ, честно доложил:

— Господин Тан лежит без сознания. Генерал Ли уже призвал двоих военных врачей. Когда я уходил, врачи обработали рану лучшим снадобьем.

В чистых глазах Ван Чжэня мелькнул едва заметный отблеск. Словно что-то заподозрив, он внешне невозмутимо сжал чашку и внезапно спросил:

— Он в лагере Ючжоу?

И солдат, и Юй Чаошэн ошеломлённо замерли, с удивлением уставившись на Ван Чжэня.

Солдат ведь только что доложил, что Тан Шэнь ранен и лечится в лагере. Неужели Ван Цзыфэн этого не услышал?

— Да, господин Тан в военном лагере, — покорно повторил солдат.

Рука Ван Чжэня вздрогнула, он не удержал чашку, и та опрокинулась на стол, мгновенно разлив чай. В комнате воцарилась долгая, гнетущая тишина. Юй Чаошэн украдкой взглянул на Ван Чжэня: на утончённом, отрешённом лице Ван Цзыфэна не отразилось ни единой эмоции, однако он упорно молчал, словно разом забыл, как разговаривать.

Спустя долгое время Ван Чжэнь тихо выдохнул и невозмутимо произнёс:

— Господин Юй, не желаете ли отправиться в военный лагерь и провести господина Тана?

Раз уж Ван Цзыфэн вознамерился навестить своего младшего соученика, Юй Чаошэн, разумеется, охотно согласился:

— Хорошо.

В следующее мгновение Ван Чжэнь стремительно поднялся, но тут же замёрз на месте. Будто посчитав, что проявил излишнюю поспешность, он кивнул Юй Чаошэну и отдал распоряжение солдату:

— Возвращайся. Передай генералу Ли, что мы вскоре прибудем.

Вскоре Ван Чжэнь и Юй Чаошэн сели в экипаж и вместе отправились в лагерь Ючжоу.

Юй Чаошэн исподтишка наблюдал за Ван Чжэнем. Ван Цзыфэн восседал с невозмутимым видом, прикрыв глаза для отдыха, и не ронял ни слова. Понаблюдав какое-то время, Юй Чаошэн отвёл взгляд: он так и не смог понять, беспокоится ли Ван Чжэнь о Тан Цзинцзэ или нет. Если беспокоится, то почему поначалу, услышав о ранении Тан Цзинцзэ, отнёсся к этому с таким равнодушием? А если не беспокоится — то поведение его тоже не вяжется с этим.

— Господин Ван?

Ван Чжэнь открыл глаза и посмотрел на Юй Чаошэна.

Встретившись с ним взглядом, Юй Чаошэн ошеломлённо вздрогнул. Он тут же отвёл глаза и понизил голос:

— Ничего... Просто, похоже, мы почти приехали.

Экипаж остановился у лагеря Ючжоу. Мужчины сошли и направились пешком. Едва они вошли в лагерь, как Ли Цзиндэ приподнял полог шатра и вышел навстречу.

Юй Чаошэн сложил руки в приветственном поклоне:

— Ваш покорный слуга приветствует генерала Ли.

Ли Цзиндэ, видя спокойный и безучастный вид Ван Чжэня, недоуменно спросил:

— Вот странно! Это ведь твой младший соученик, Ван Цзыфэн, отчего же ты ни капли не тревожишься?

— Каково его состояние? — спросил Ван Чжэнь.

Ли Цзиндэ вознамерился ответить: «Ранение невероятно тяжёлое, он на грани смерти». Собственно, он уже успел выпалить первые три слова, как тут же прикусил язык — взгляд Ван Цзыфэна был жутким и пугающим. Ли Цзиндэ быстро поправился:

— Не то чтобы совсем хорошо, но и не так уж плохо.

Ван Чжэнь закрыл глаза и долго молчал. Открыв их вновь, он произнёс:

— Входим.

В военном шатре лекарь варил зелье для Тан Шэня. Увидев вошедших, он тут же поднялся и поклонился.

Ван Чжэнь подошёл к ложу и замер, уставившись на больного. Тан Шэнь был в белом исподнем, одежда ниже плеча была разрезана, обнажая гладкую руку. Возле локтя лежала толстая накладка из целебного снадобья; повязки не было, и крови не видать, но при близком рассмотрении проступали засохшие следы гноя.

В груди Ван Чжэня всё сжалось. Он спросил:

— В рану попала зараза?

— Да, началось гниение, — ответил лекарь.

— Это опасно?

— Рана небольшая, поэтому и воспаление не слишком сильное. Но, как изволите знать, господин, с давних времён гнойную лихорадку лечить нелегко, и у вашего покорного слуги нет полной уверенности. Похоже, организм господина Тана пока держится; если к вечеру он очнётся, всё должно быть в порядке. Впредь потребуются длительное восстановление, а шрам на руке останется навсегда.

Юй Чаошэн подошёл ближе и заметил:

— Коли ранена всего лишь рука, отчего же он лежит без сознания?

— Э-э... — замешкался лекарь.

В шатре только Юй Чаошэн думал, будто Тан Шэнь был ранен лишь этим утром. Лекарь же получил от Ли Цзиндэ строгий приказ не разглашать истинные подробности болезни Тан

Шэня. Внезапный вопрос Юй Чаошэна застал лекаря врасплох, и тот на мгновение растерялся, не зная, как выкрутиться.

Ли Цзиндэ тоже опешил. Он уже собирался выкрутиться и сказать: «Да не без сознания он, просто спит», как вдруг услышал голос Ван Чжэня:

— Господину Юй неведомо: пусть рана господина Тана и небольшая, но из-за гнева началась лихорадка. Воспаление ослабило его тело и вызвало непрекращающийся жар, потому он и лишился чувств.

Взглянув на покрытого обильным потом Тан Шэня, Юй Чаошэн проговорил:

— Господина Тана бережёт сама судьба, он непременно поправится.

<http://bllate.org/book/18292/1757384>